

Кир Булычев

Освящение храма Ананда

Часть сборника
Монументы Марса (сборник)

Кир Булычев

Освящение храма Ананда

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135365
Монументы Марса: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18314-0*

Аннотация

«Наша станция, столь обширная – трубы коридоров, шары лабораторий и топливных складов, сплетения тросов и гравитационных площадок, – наша станция кажется пассажиру подлетающего корабля лишь зеленой искоркой на экране локатора. А я ведь за три недели еще не во всех лабораториях побывал, не со всеми обитателями станции знаком...»

Кир Булычев

Освящение храма Ананда

Наша станция, столь обширная – трубы коридоров, шары лабораторий и топливных складов, сплетения тросов и гравитационных площадок, – наша станция кажется пассажиру подлетающего корабля лишь зеленой искоркой на экране локатора. А я ведь за три недели еще не во всех лабораториях побывал, не со всеми обитателями станции знаком.

– Вы не спите, профессор?

Я узнал голос Сильвии Хо.

– Нет. Я думаю. Я потушил свет, потому что так легче думается.

– Неужели можно специально думать? Я вот хожу и думаю, ем и думаю, разговариваю и думаю.

– Раньше я тоже не замечал, думаю я или нет. И лишь теперь, на седьмом десятке, догадался, что мышление достойно того, чтобы выделить его в самостоятельный процесс.

– Вы шутите, профессор. А я к вам на минутку. Капитан просил напомнить, что через полчаса включаем экран.

– Спасибо. Иду.

Я сел на койке и еле успел схватиться за скобу. С утра была невесомость. Перед опытами с экраном вращение прекращалось – станцию ориентировали с точностью до микрона. Я не люблю невесомость. Она дарит лишь несколько минут

детского удивления перед возможностями своего тела. Потом быстро надоедает, утомляет, вызывает легкую тошноту и мешает спать.

– Вы не спите, профессор?

– Это ты, Тайк?

– Вы не забыли, что через полчаса включаем экран?

– Иду, иду.

Я нашарил под кроватью башмаки на магнитных подошвах. Они слишком легко скользят по полу и требуют значительного усилия, чтобы оторвать их. Старожилы похожи здесь на конькобежцев. Я подобен новичку, впервые вступившему на лед.

– Профессор, вы не спите?

– Спасибо. Я помню. Я знаю, что через полчаса включаем экран.

– Я проходил мимо и решил предупредить. Сегодня ваш день, профессор.

Я посидел с минуту, прислушиваясь к легким шумам и шорохам, пронизывающим станцию. Звуки эти, как бы слабые они ни казались, – удивительное свидетельство жизни, контраст с безнадежной пустотой пространства. Вот звякнула кастрюля в камбузе, застрекотал робот, прошуршал воздух в дакте кондиционера, комаром отозвался какой-то прибор в лаборатории, пискнул котенок... Котят, по-моему, восемь. Может, и больше. Они выпархивают из дверей, топыря шерсть, плавают перед глазами и норовят ухватиться когтя-

ми за что-нибудь надежное.

– Вы пришли, профессор? Сегодня ваш день.

Это русский физик. Физики свое дело сделали, им остается лишь ждать и волноваться вместе с нами.

– Это наш общий день, – отвечаю я. – И в первую очередь для Сильвии.

Сильвия сидит у дальней от экрана стены, на острых коленках – блокнот. Она улыбается мне благодарно и робко. Не бойся, мышонок, тебя никто не выгонит. Сегодня и вправду наш день. Мы с Сильвией единственные пока специалисты, на которых будет работать экран. Остальные его проектировали, рассчитывали, монтировали, настраивали и снова настраивали. Мы будем глядеть. Сильвия – антрополог. Я – историк.

– Жарко, профессор? – спросил Тайк. Тайк сидел на корточках перед раскрытой панелью пульта управления.

– Хоть форточку открывай, – сказал русский физик. – В космос.

– Простудишься, – сказал капитан. – Сегодня ваш день, профессор. Если физики нас не обманули.

Капитан уселся в кресло перед самым экраном, большим, во всю стену, черным и оттого бездонно глубоким.

Русский физик достал из кармана миниатюрные шахматы, но не удержал в руке, коробочка открылась, и фигурки веером, словно воробьи, спасающиеся от коршуна, разлетелись по лаборатории.

– Пятнадцать минут, – сказал Ричард Темпест.

Все вокруг были спокойны, может, даже излишне спокойны. Бесшумно, конькобежцами, в лабораторию въезжали техники, колдовали у пульта, переговаривались тихо, коротко и большей частью непонятно. Понемногу лаборатория заполнялась зрителями. Стало тесно. Кто-то из молодежи снял ботинки и устроился на стене, под потолком, повиснув на скобе.

– Садитесь сюда, поближе, – сказал капитан. – А где Сильвия?

Парасвати уступил мне место. Сжав в ладонях подлокотники, я почувствовал себя уверенней.

– Я все-таки не верю, – сказала Сильвия, глядя на Тайка. Тайк склонился к микрофону, диктовал на мостик какие-то цифры.

Тайк выпрямился, оглядел нас, словно полководец перед сражением, посмотрел на экран и сказал:

– Свет.

– Да будет свет, – прошептал физик, так и не собравший шахмат.

Лампы в лаборатории померкли, и ярче стали разноцветные индикаторы на пульте.

– Начинайте, – сказали с мостика.

На черном эллипсе экрана возникло светлое облако, оно зародилось в глубине его, разгоралось и приближалось, распространяясь к его пределам, и по нему пробегали зеленые

искры. Так продолжалось минуту, а затем экран внезапно стал голубым, и в нижней части его обнаружили рыжие и белые пятна, словно изображение, рожденное в нем, было не в фокусе.

– Получается, – сказал Парасвати. – Куда лучше, чем вчера.

– Куда уж лучше, – сказал разочарованно кто-то из зрителей.

– Ах! – воскликнула Сильвия.

Волшебник сорвал пелену с экрана, навел изображение на резкость, и нашим глазам представился обычный земной пейзаж, настолько реальный и рельефный, словно экран был окном в соседний мир, залитый жарким солнцем, пропитанный пылью и свежим ветром. Синяя широкая полоса превратилась в небо. На охряном песке обозначились дома, глубокие колеи на узкой дороге и редкие пальмы.

– Все в порядке, – сказал Тайк. – Мы на месте.

– Правильно? – спросил капитан.

– Одну минутку, – сказал я.

Был полдень. Тонкая пыль крутилась над землей, изрытой и истоптанной буйволами. Опутанное бамбуковыми лесами и прикрытое тростниковыми циновками, возвышалось строящееся здание. Оно было логическим центром сцены, которую мы наблюдали. Многочисленные упряжки волов и буйволов тянулись к нему, груженные желтым кирпичом. Балансируя на гибких бамбуковых жердях, поднимались на леса

вереницы почти обнаженных людей. Наверху трудились каменщики. В левой части экрана видна была веранда, столбы которой были обильно украшены тонкой резьбой. Перед ней дремали два воина с копьями в руках...

– Ну и что, профессор?

Все в лаборатории ждали моего ответа.

– Это Паган, – сказал я. – Конец одиннадцатого века.

– Ура! – произнес кто-то негромко.

– Удалось? – спросил динамик. Дежурный на мостике волновался.

– Ур-ра! – ответил ему физик. – Какие же мы молодцы!

– Качать профессора, – предложил лукавец Тайк.

– Я совершенно ни при чем. Вы могли бы показать это изображение еще десятку ученых, и они сказали бы то же самое.

– Но профессор сказал первым!

Им нужна была разрядка. Уж лучше пускай качают меня, чем Сильвию. Я лишь старался не удариться о какой-нибудь прибор, хотя в этом не было нужды – летал я медленно и солидно, как воздушный шарик. Мои мучители также отрывались от пола и взлетали вслед за мной, отчего в полумраке лаборатории, освещенной солнцем далекого мира, шевелилось одно многорукое, многоголовое чудовище. И не дай бог людям с той стороны экрана заглянуть к нам. Они бы умерли от страха.

– Смотрите! – сказала Сильвия, которой удалось спря-

таться в углу и избежать всеобщего ликования. – Смотрите
– человек!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.